

Юрий Михайлик

А она жива

* * *

Что ни ночь – до умопомрачения –
зыбкий свет и приглушенный звук –
бьется жилка на пересечении,
на сплетеньи, на смятеньи рук.
Дальнее морское колыхание,
звезд мерцанье, ветра тихий звон
и твое спокойное дыхание
в этот ритм плывут со всех сторон.
Исчезая, мучаясь, пульсируя –
чья она – моя или твоя? –
бьется жилка, тонкая, счастливая,
горестная жилка бытия.
Как прозрачно утреннее зрение,
как трезвы полдневные слова...
Но она жива в стихотворении.
Нас не будет. А она жива.

* * *

Пение намного старше чтения –
прежде слов, еще до языка
звуки страсти, гнева, нетерпения
клокотали в горле, как река.
Золотыми листовными грудями
на изгибах рвущейся реки
малыми случайными запрудами
возникали смысла узелки.

Наводнением, губительным течением
никого не чая уберечь,
темной тайны внутренним свечением
эти реки создавали речь.
Над бичевником во влажной полночи
гаснут эхом в тишине ночной
краткий крик любви, мольба о помощи,
плотогона выговор хмельной.
В этом плеске, блеске, колыхании
все полно значенья, каждый знак –
то, что возвращает нам дыхание,
пушкин, тютчев, блок и пастернак.
Но плывут над миром междометия,
ритм жесток и музыка громка
на дороге в прошлые столетия.
Прежде слов. Еще до языка.

* * *

У кого-то смерть – забота,
а у нас и жизнь не в счет,
коль из нашего болота
только ненависть течет.
Солона ее вода,
в каждой горсточке – беда,
кто хлебнет ее однажды,
не избудет никогда.

* * *

Эти птицы обычно ходят попарно, А здесь их три.
И одной не хватает. Но все это долго длится.
Оглянись, пожалуйста, и внимательно посмотри –
где четвертая птица?

Эти, черные с белым, раскрашенные, как жизнь,
изучают пеньки – кто там прячется под корою? –
и глядят осторожно. Четвертая, покажись.
Но здесь почему-то трое.

Миллионы лет как грохнул метеорит,
все летел во мраке и вдруг решил приземлиться.
Динозавры погибли. Земля все еще горит.
Может, эти выживут. Где четвертая птица?

Где четвертая нежность, деликатность и тишина,
любопытный взгляд округлого глаза?
Где четвертая птица? Кому мешала она?
Под каким колесом? И потом или сразу?

Там, где в мире нет одного из нас,
огорчитесь, поплачете, поскорбите...
А ведь это чудовищный дисбаланс
на планете Земля, на ее орбите.

На зеленой поляне слегка крыло приподнять,
подойти поближе, приглядеться и удивиться,
почему человечество никак не может понять –
где четвертая, черт нас всех побери, где четвертая птица?

* * *

Туманный голос осени. Звезда
внезапно возникает – как чужая,
окутаны туманом, города
плывут над морем, тонут, исчезая
и выплывая в памяти моей
по берегам исчезнувших морей.
Большефонтанский мыс. Протяжный стон,
чуть приглушенный мякотью тумана –
еще звучащий сквозь нездешний сон,
еще предупреждающий – и странно,
причал, баркас, невидимый для глаз,
уйдут в туман на этот раз без нас.
Туманный голос осени. Волна
других широт, других времен и бедствий,
и мягкая густая белизна
чужого сна. Его причин и следствий

в тумане не найти, не обрести...
Стена тумана. И песок в горсти.

* * *

Небольшой аэропорт. Внутренние линии.
Невысокий горизонт в тучах грозовых.
Очереди сдать багаж длинные-предлинные,
слишком много багажа у еще живых.
На коротенький шагоч очередь подвинется,
я шагну и окажусь там, в сорок втором,
в теплом августе, в лесу, в городке под Винницей,
где еще стоит мой дед над песчаным рвом,
там, где бабушка моя, птаха невесомая,
нарушая свой черед самый первый раз,
обручальное кольцо полицая всовывает,
чтоб не после, не потом, а вдвоем, сейчас...
Духота и маята в тесном помещении,
через несколько минут сдашь свой чемодан...
Ты бессилен, милый мой, не бывает мщения
сотням лет, десяткам лет и любым годам.
Эта очередь бедой в жизнь твою продавлена,
где б ты ни был, за тобой эти боль и страх,
слишком ровные бугры на лесных прогалинах,
слишком сочная трава на лесных буграх.
Невеликий самолет – внутренняя линия.
Вот и капли на стекле – началась гроза.
Под тобой качнется степь, горькая, полынная,
над тобой сомкнется мглы злая полоса.
Это просто жизнь твоя – тьма, гроза и очередь.
Убывая навсегда в дальние края,
напоследок прошепчу, улыбнувшись дочери:
– Я – последний. Ты за мной. Очередь твоя.

